

Резиденция молодого господина семьи Фэн располагалась в элитном комплексе «Шуйюэвань», менее чем в трёх километрах от университета.

Апартаменты площадью в пятьсот шестьдесят квадратных метров занимал один-единственный человек — сам Фэн Цзин. Личный повар готовил еду, горничные отвечали за чистоту, водитель — за передвижение, а круглосуточная смена дворецких была готова явиться по первому зову, обеспечивая непрерывный сервис высочайшего класса.

В таких условиях можно было без проблем разместить не то что одного, а целых десять человек.

Медперсонал больницы Цинхэчэн доставил Гу Мочжэна в «Шуйюэвань» на частной машине скорой помощи. После долгой суеты медики наконец дождались, когда капельница будет закончена.

Глядя на то, как Гу Мочжэн мирно спит на огромной кровати, Ло Сы невольно ощутил, будто его лучший друг втайне от него удачно вышел замуж за богача...

Медики не могли остаться на ночь. Передав все необходимые инструкции молодому господину и дворецкому, они покинули апартаменты вместе с Ло Сы.

Связаться с семьёй больного по-прежнему не удавалось. Ло Сы честно доложил о ситуации куратору, который, услышав, что Фэн Цзин взял дело в свои руки, с огромным облегчением вздохнул и пообещал навестить подопечного завтра утром.

Перед сном хозяин дома ещё раз заглянул к гостю. Убедившись, что тот крепко и спокойно спит, утонув в мягких простынях, он бесшумно вышел и направился в кабинет, чтобы разобраться с последствиями вчерашнего скандала в студенческом совете.

После разговора с Ли Гуйчэном он наконец понял, чем всё это время был занят Гу Мочжэн.

В прошлом году Фэн Цзин уже принимал участие в студенческом музыкальном фестивале и счёл его скучным, поэтому в этом году не уделил ему особого внимания. Всю работу по отделу он переложил на своего заместителя, а сам ограничился ролью спонсора, лишь сканируя QR-коды для оплаты и больше ни во что не вмешиваясь.

Именно поэтому юноша и не заметил, что нынешний фестиваль был не просто странным, а вопиюще ненормальным.

Ли Гуйчэн, не знающий, кто его отец, оказался всего лишь пешкой. Едва он успел навлечь на себя гнев Фэн-е, как корпорация «Ли» тут же перевела его из процветающего отдела

стратегических инвестиций в отдел логистики. А вместо него куратором музыкального фестиваля в Университете Z стал Ли Юэлу, представитель боковой ветви семьи Ли.

Мать Ли Юэлу происходила из семьи Фэн и приходилась Фэн Цзину дальней двоюродной тётёй. Такое стечение обстоятельств уже не могло быть случайностью. Карта по имени Ли Юэлу, без сомнения, была разыграна корпорацией «Ли» специально в ответ на неожиданное вмешательство молодого господина.

Позиция корпорации была предельно ясна: даже при его вмешательстве фестиваль должен состояться, причём в формате «сотрудничества школы и предприятия».

Когда дело зашло так далеко, Фэн Цзину, чтобы что-то предпринять, пришлось бы задействовать ресурсы своей семьи.

Мало кто знал, что в данный момент он не мог с лёгкостью ими распоряжаться. Он обменял эти ресурсы на нечто более важное для себя.

Пока наследник не пользовался своей властью, он мог, по крайней мере, в течение четырёх лет учёбы, жить и учиться как обычный студент. Он мог жить один, играть в бридж, прогуливать нелюбимые пары и даже в три часа ночи отправиться в уличную забегаловку поесть шашлыков.

Но стоило ему нарушить это хрупкое равновесие, как статус молодого господина семьи Фэн вновь сковал бы его по рукам и ногам.

Нынешний музыкальный фестиваль был слишком необычным. Если юноша решит вмешаться, он неминуемо окажется втянут в семейный водоворот.

Какой-то Гу Мочжэн не стоил такой цены.

Фэн Цзин действовал, исходя из принципа максимальной выгоды. Он собирался убедить приятеля выйти из этой мутной истории с фестивалем и вернуться в клуб бриджа, чтобы вместе готовиться к Лиге восьми школ.

Для этого ему нужно было предпринять некоторые шаги. Например... найти «несчастливого», готового занять место Гу Мочжэна и стать ответственным за мероприятие.

Разобравшись со всеми делами, он обнаружил, что на часах уже два часа ночи.

Фэн Цзин принял душ, вытерся и в темноте вошёл в спальню, бросившись на кровать.

В следующую секунду незнакомое ощущение заставило все волоски на его теле встать дыбом.

Он резко вскочил и нащупал на стене выключатель.

При свете лампы он увидел, как Гу Мочжэн, завернувшись в его маленькое одеяло с узором в виде осьминогов, лежит на его большой кровати. Он спал так сладко и естественно, что картина казалась сюрреалистичной.

Фэн Цзин на мгновение усомнился, не сон ли это. Он больно ущипнул себя за бедро и, ощутив вполне реальную боль, беззвучно взорвался от негодования.

«Нет, ну как этот человек вообще оказался в моей кровати? — он пребывал в глубоком недоумении. — Он же только что мирно спал в гостевой!»

«К тому же гостевая находится от моей комнаты на расстоянии в сто тысяч ли! Как Гу Мочжэн умудрился безошибочно найти мою спальню в незнакомом доме площадью в пятьсот шестьдесят квадратных метров? У него что, встроенный GPS-навигатор?»

«И даже если предположить, что он заблудился и, как слепой котёнок, случайно наткнулся на мою дверь... Разве нормальный человек, увидев незнакомую кровать с маленьким одеялом с узором в виде розовых осьминогов, просто ляжет и уснёт?»

«Разве?!»

Хотя... исходные данные неверны. Гу Мочжэн не был нормальным человеком.

Он был болен. Причём с воспалением мозга.

А для больного с помутившимся рассудком совершать ненормальные поступки — вполне нормально.

Найдя логичное объяснение действиям гостя, Фэн Цзин задумался, что делать дальше.

Либо разбудить его и выгнать спать в гостевую, либо уступить ему комнату, а самому уйти.

Оба варианта были разумны и соответствовали логике нормального человека.

Но какой бы он ни выбрал, Фэн Цзин чувствовал себя ущемлённым.

Почему Гу Мочжэну можно быть таким ненормальным, а он должен вести себя нормально? Почему этот парень может так расслабленно и естественно лежать в его кровати, а он должен спорить из-за спального места с больным?

Он что, мелочный? Очевидно, нет. Он что, капризный? Очевидно, тоже нет.

После недолгих раздумий было принято решение.

«Будем спать вместе!»

«В конце концов, кровать достаточно большая, места хватит. Подумаешь, в ней внезапно появился кто-то ещё. Я — Фэн Цзин, и такие мелочи меня не волнуют!»

На этот раз жар действительно помутил рассудок Гу Мочжэна.

Зонт он отдал намеренно. Отступление молодого господина было ожидаемо, а отказ от его предложения и уход под дождём полностью соответствовали образу негодяя-актива.

Именно так они и поступают: совершают бессмысленные и непонятные упрямые поступки, навязывают жертву ради самолюбования, а затем выставляют себя страдальцами во имя великой любви.

Окажись на месте Фэн Цзина сам Гу Мочжэн, он бы лишь презрительно фыркнул. Но что поделать, если тому нравился именно такой типаж?

Всё шло по плану, пока температура не подскочила до сорока.

Юноша и представить не мог, что простая прогулка под дождём обернётся такой сильной лихорадкой. Он даже не успел позвонить и попросить о помощи, как потерял сознание.

В горячечном бреде его преследовали воспоминания о прошлой жизни. По сравнению с короткими мгновениями счастья после перерождения, те годы были куда длиннее, мучительнее и отпечатались в памяти гораздо отчётливее.

Когда он очнулся в первый раз, то обнаружил, что находится в больнице Цинхэчэн.

За десять лет она почти не изменилась. Ни роскошный, не похожий на больничный, интерьер, ни белоснежные халаты медперсонала — всё было таким же, как в его воспоминаниях.

Именно здесь он в последний раз видел Фэн Цзина.

Пятнадцатый этаж. Смерть наступила мгновенно, без малейшего шанса на спасение. Обычное медицинское учреждение в таком случае даже не стало бы принимать тело, но Цинхэчэн была

другой — за достаточную плату здесь принимали и живых, и мёртвых.

Новость о том, что «Фэн Цзина пытаются спасти в больнице Цинхэчэн», дала Гу Мочжэну последнюю надежду. Однако, примчавшись туда, он увидел, что скорая помощь даже не направлялась в реанимацию, а медленно подъезжала к дверям морга.

Санитары прекрасно знали, что везут покойника, поэтому не торопились, превратив карету скорой помощи в прогулочный транспорт.

И вот, Гу Мочжэн, промчавшийся через полгорода Z и проигнорировавший шесть красных сигналов светофора, застал момент, когда санитары, ругаясь, выгружали из машины изувеченное тело.

С того дня любое упоминание этой больницы вызывало у него сильнейшую соматическую реакцию. Паника, резкое падение давления, головокружение, тошнота...

Даже после перерождения ничего не изменилось.

Поэтому, открыв глаза и поняв, где находится, он без колебаний сорвал с себя кислородную маску, выдернул катетер и, опустив голову, бросился прочь.

Он не знал, почему оказался здесь, не знал, что у него жар. Но даже если бы и знал, даже если бы знал всё, он поступил бы точно так же.

Среди испуганных криков он нашёл ту единственную фигуру, которая могла принести ему покой. Чувство удушья отступило, словно прилив. Там, в больнице Цинхэчэн, куда он поклялся больше никогда не ступать, Гу Мочжэн перестал сопротивляться и погрузился в глубокий сон.

Когда он очнулся снова, был уже час ночи.

Юноша понял, что находится в «Шуйюэване».

Он прожил здесь целых восемь лет и знал каждый уголок этого пятисотшестидесятиметрового пентхауса: от хозяйской спальни, гостевых комнат, музыкальной и кабинета до игровой комнаты, собачьей будки и даже потайной комнаты с игрушками для взрослых.

За ночь суеты жар спал, но сознание оставалось затуманенным. Гу Мочжэн не мог понять, почему он спит в гостевой.

Единственный раз в жизни он ночевал там, когда на заре их отношений, измученный ненасытностью молодого господина, познавшего вкус плоти, заперся в гостевой, чтобы спокойно поработать.

«Компания была продана, Фэн Цзина больше нет, — он окончательно запутался в собственных мыслях. — Почему же я тогда сплю в гостевой?»

Не в силах найти ответ, он перестал думать. Юноша открыл дверь, привычным маршрутом прошёл в хозяйскую спальню, укрылся любимым маленьким одеялом с узором в виде осьминогов и, окружённый запахом Фэн Цзина, снова уснул.

В третий раз он проснулся уже утром.

За ночь не только спал жар, но и прояснилось сознание. Обрывки воспоминаний начали медленно складываться в единую картину.

Однако, прежде чем этот процесс завершился, Гу Мочжэн, очнувшись в объятиях молодого господина, который никогда не спал в пижаме, увидел до боли знакомую картину.

На безупречно белой коже алел спелый, сочный плод.

Когда Фэн Цзин был жив, Гу Мочжэн каждое утро сталкивался с подобным. За восемь лет у него выработался условный рефлекс.

Открыть рот, придвинуться, обхватить, укусить.

Пронзительный, сорвавшийся на визг крик — и в следующую секунду Гу Мочжэн полетел с кровати.

Он потерял дар речи.

<http://bllate.org/book/15989/1501011>